

КУЛЬТУРНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ И ПОЛИТИКА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

.....

**А. П. Романова, С. Н. Якушенков, С. А. Дахин, М. А. Топчиев,
О. С. Якушенкова¹**

В статье дан философский анализ понятийного поля проблемы культурного наследия, выявлены сложности его дефиниции и структурирования. Показано изменение влияния культурного наследия на экономику современного мира. Обозначены перспективы развития культурного менеджмента на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: культурное наследие, материальное и нематериальное культурное наследие, культурный менеджмент, экомuzeи, экономuzeи.

The article deals with the definition of the meaning of the term «cultural heritage». There are philosophical aspects of it and all problems of its structural field. The authors analyze the impact of cultural heritage on the economy of the modern world. They underline the perspectives of development of cultural management on the federal and regional levels.

Key words: cultural heritage, cultural management, tangible and intangible cultural heritage, ecomuseums, economuseums.

Двадцатое столетие изменило наши взгляды на культуру в целом и на культурное наследие в частности. Мы уже давно не воспринимаем культуру

¹ Романова Анна Петровна — доктор философских наук, профессор, директор гуманитарного института Астраханского государственного университета (АГУ). Эл. почта: aromanova_mail@mail.ru.

Якушенков Сергей Николаевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории зарубежных стран АГУ. Эл. почта: shuilong@mail.ru.

Дахин Сергей Дмитриевич — аспирант кафедры культурологии АГУ. Эл. почта: dakhin_mail@mail.ru.

Топчиев Михаил Сергеевич — аспирант кафедры политологии АГУ. Эл. почта: dc_mail@bk.ru;

Якушенкова Олеся Сергеевна — студентка специальности «Культурология» АГУ. Эл. почта: jestershadow@mail.ru

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., проект «Сохранение культурного наследия в полиэтническом регионе» (№ 2010–1.1-303-019-043).

как просто правила поведения или как некоторые институты, которые развиваются под управлением Министерства культуры России. Следует отметить, что только в русской да, может быть, китайской традиции, существует понятие «культурный человек», причем это выражение невозможно перевести ни на один из европейских языков. В то же время и понятие «культурное наследие» не всегда определяется одинаково в разных странах, и существуют большие расхождения в понятийном поле этого термина.

Например, английский термин «наследие» (heritage) достаточно многослоен. Он переводится и как собственно «наследование», «наследие», и как «традиция», и как (в библейском варианте) «церковь» и «древний народ Израиля». Эта семантическая многогранность свидетельствует о том, что данный феномен представляет собой особую **систему** ценностей. Однако отсюда и сложность его дефиниции, которая в данном контексте тоже многослойна. Во-первых, это многоаспектность самого термина «наследие» (heritage) в английском варианте, что не упрощает его понимания. Во-вторых, дело усложняется наличием богатого терминологического поля проблемы и путаницей в использовании понятий. Термин «культурное наследие» в западной традиции вписывается в широкий и довольно сложный терминологический ряд: «cultural heritage», «cultural patrimony», «cultural property», «physical cultural resources», «indigenous», «traditional knowledge», «folklore». В западной литературе с размежеванием этой терминологии возникают серьезные трудности» [5, с. 14]. В-третьих, терминологический анализ в данном случае является не просто софистическим теоретизированием «по поводу». От выбранного и устоявшегося на официальном уровне понятия, его объема и контекста зависит культурная политика не только отдельных государств, но и мирового сообщества в целом, а отсюда и то — *что, где, когда и как* мы будем сохранять.

Из этого понятийного ряда три термина почти тождественны в русском переводе: «cultural heritage», «cultural patrimony», «cultural property». Их традиционно в текстах переводят как «культурное наследие». Однако словари дают возможные варианты и нюансы их перевода. Так, для термина «cultural patrimony» есть вариант перевода — церковное имущество или семейное наследие. Нет и какой-либо единичной убедительной расшифровки объема понятия «cultural property» (культурная собственность, культурное достояние), которое наиболее часто использовалось в официальных документах ЮНЕСКО и научной западной литературе последней трети XX в. Двойственность перевода этого термина может сбить с толку, и велик соблазн воспользоваться термином «культурное достояние». Однако в русском языке объемы понятий «культурное наследие», «культурное достояние» и «культурная собственность» соотносятся несколько иначе, нежели английские «cultural heritage», «cultural patrimony», «cultural property». Русский термин «культурное достояние» является среди них наиболее широким и включает в себя как временные,

так и пространственные параметры. Если наследие в определенных случаях семантически может иметь негативную окраску (тяжелое наследие тоталитарного режима), то термин «достояние» имеет ярко выраженную положительную аксиологическую характеристику. Термин достояние несет на себе также характер всеобщности. Он чаще всего применяется крупномасштабно — достояние республики, нации, страны.

Однако контекст употребления термина «cultural property» в официальных документах и теоретических работах 1970–1980-х гг. приводит нас к выводу о том, что он употреблялся в смысле «культурной собственности». Под ним (в русском переводе — «культурное наследие») традиционно понимались выдающиеся памятники истории и культуры, прежде всего недвижимое наследие, собственность. Это связано с принятием в 1972 г. на XVII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия и появления перечня культурного наследия ЮНЕСКО. К культурному наследию на тот период ЮНЕСКО были отнесены памятники — произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли — группы изолированных или объединенных строений, чья архитектура, единство или связь с пейзажем представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; *достопримечательные места* — произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие собой выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии [2]. В этом аспекте термин «immovable cultural property» (недвижимая культурная собственность) был достаточно определен и понятен. Однако здесь возникал целый ряд проблем. Объем данного понятия был ограничен, и огромный пласт человеческой культуры, требующий бережного внимания и сохранения, выпадал из поля зрения официальных структур. Все чаще в научных кругах возникала мысль о включении в объем понятия «cultural property» и движимых объектов. Тогда оно становилось более широким и операбельным. Однако понятие культурной движимой собственности, включавшей в себя объекты искусства, книжные редкости и т. д., охватывало целую сферу политических, религиозных и прочих интересов. Встал вопрос о том, кому принадлежат «перемещенные» ценности, украденные, вывезенные в течение веков в другие страны. В 1986 г. Дж. Мэрриман в статье «Два подхода к культурной собственности» [7] выделил две парадигмы в разгоревшихся на тот момент дебатах о движимой культурной собственности. Одна парадигма была построена на признании всех объектов искусства, археологии, этнографии общечеловеческим культурным достоянием и их местоположение независящим от первоначальных прав собственности и национальной юрисдикции.

Другая парадигма привязывала все культурные ценности к стране их происхождения и делала их узконациональным достоянием. Таким образом, термин «cultural property» имел свои ограничения и внутренние подводные камни. Уже тогда становится понятным, что этот термин не охватывает всей полноты и богатства обозначаемого объекта, а понятие собственности существенно ограничивает его применение. То, что работало для обозначения недвижимых объектов культуры, не работает в более широком контексте. Стало ясным, что в глобализирующемся и бурно унифицирующемся мире из культуры народов истекает то, что очень трудно материализовать и обозначить как памятник, ансамбль или достопримечательное место. Это нечто нематериальное, неуловимое, что является основой нашей национальной самоидентификации и что заложено первоначально в самом английском термине — традиции, обычаи и т. д. Понятие «cultural property» (культурная собственность) постепенно начало сменяться понятием «cultural heritage» (культурное наследие) в европейских конвенциях и в принципах, на которых они основаны, и одновременно обозначило смену культурной политики» [6, с. 12].

В ноябре 2001 г. появляется Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, а в 2003 — Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (принята на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, октябрь 2003 г.).

Термин «cultural heritage» превращается в культурный концепт. Он выходит за рамки терминологии и становится необходимой составной частью культурного пространства, «многомерной ментальной единицей с доминирующим ценностным элементом» [1]. Как концепт он начинает определять, формировать под себя окружающее его пространство, выстраивать культурные, этнические, религиозные, политические цепочки взаимодействия в соответствии со своим содержанием. Достигнув уровня концепта, «культурное наследие» не только выявило всю ценностную значимость, но и начало процесс конструирования социальной реальности вокруг себя. Если на культурфилософском уровне «культурное наследие» («cultural heritage») — это концепт, то на социальном оно превращается в социальный институт.

Только сейчас, в начале XXI в., значимость объектов культурного наследия для человечества выявляется с особой яркостью. Мы наконец-то начинаем осознавать, что наше культурное наследие — это сложное соединение материальных и нематериальных элементов культуры, обладающих совокупностью ценностей, которая значима уже своим многообразием. Культурный объект может представлять собой социальную, духовную, религиозную, этическую, эстетическую, археологическую, антропологическую, экономическую ценность. Причем эти ценностные характеристики могут проявляться в объекте в различных сочетаниях и пропорциях и «очень часто находиться в конфликте» [8, с. 15]. Мы начинаем понимать, что любой проект по сохранению

культурного наследия должен рассматривать свой объект не только в системе ценностей, но и в совокупности контекстов (социального, культурного, экономического, географического, административного).

Таким образом, объект культурного наследия перестал пониматься как отдельная церковь, историческое здание, или монумент. Он стал включать в себя и ландшафт — природный, культурный, социальный, и совокупность традиций, и даже отдельный ритуал или поселение, сохраняющее традиционный уклад жизни, а также эпос, предание, уникальный музыкальный инструмент или тип музицирования.

Как первый фактор институционализации появляется перечень объектов нематериального культурного наследия, куда включены более 90 разнообразных объектов, в том числе система музыкального исполнения мугам (Азербайджан), музыкальный инструмент дудук и игра на нем (Армения), Геледе — традиционная церемония народности йоруба с танцами и песнопениями в масках (Бенин, Нигеря, Того), ритуалы, верования и практика целительства племени кальявая в Андах (Боливия), священный индонезийский кинжал — крис, искусство его изготовления и применения, опера «Куньцой» (Китай), театр «Кабуки» (Япония), карнавалы и процессии в Бельгии, Франции, Боливии, Бразилии, традиция разведения тягловых быков и изготовления расписных повозок (Коста-Рика), традиционная обработка крестов и ее символика (Литва), культурная среда площади Джамаа-эль-Фна (город Марракеш, Марокко), культурная среда и устное творчество семейских (Забайкалье, Россия), якутский героический эпос «Олонхо», рисунки аборигенов Вануату на песке и т. д.

Как это ни парадоксально, но общая онтологическая ценность многих объектов культурного наследия проявляется в современном мире прежде всего через осознание того факта, что они представляют собой экономическую ценность. Социальный институт культурного наследия начинает конструировать экономическое поле под себя. Если во второй половине XX в. Запад вкладывал финансы в первую очередь в промышленную и сырьевую экономику, банковское дело и т. д., так как культурная сфера считалась недостаточно рентабельной, то к концу XX в. все риски такой односторонней политики стали явными. Поскольку для многих территорий на Западе сырьевая экономика перестает давать стабильный доход и постепенно приходит в упадок по мере истощения сырья, то территории естественно начинают искать новые формы экономического развития. Культурное же наследие априори является «неисчерпаемым сырьем». Однако для того чтобы давать наибольший доход, эта сфера экономики должна перейти из сырьевой в производящую готовый продукт. Для этого нужна продуманная высокочастотная инфраструктура, сформированная с учетом последующих инноваций.

К началу XXI в. правительства многих стран пересматривают свою политику в этой области, приходя к выводу, что все большее количество рабочих мест должно быть отдано этой сфере. Пока это еще небольшой процент для промышленно развитых стран. В США это 2,4%, в Англии — 4,5%. Однако существует динамика роста. Исследования показали, что за произвольно взятые 3 года (с 1999 по 2002 г.) процент вовлеченных в сферу культурного менеджмента в Европе вырос с 2,0 до 7,0% [4, с. 67].

Растущая индустрия культурного наследия на Западе имеет несколько составляющих. В связи с тем что проблема чрезвычайно широка и сложна, а объекты хрупки и требуют особой заботы, необходима постоянная научная работа по теоретическому осмыслению всего комплекса проблем, приоритетных целей и наилучших методик. Этим занимаются ведущие специалисты Запада, в Лос-Анджелесе активно работает Институт консервации Гетти, осуществляющий грантовую поддержку многих проектов по всему миру. Институт в 1990-х гг. начал серию публикаций по анализу и оценке ценностей культурного наследия, маркетинговой политике в этой области. Лаборатории и центры такого профиля, как, например, созданный в Санкт-Петербурге в 1994 г. при совместной поддержке Института консервации им. Гетти, администрации города и Российской академии наук Международный центр по сохранению культурного наследия, стали открываться во всем мире и вышли за рамки только проблем музеефикации.

Проблема сохранения культурного наследия превратилась в глобальную не только потому, что практически почти все страны мира подключились к этому процессу и появились десятки зарубежных исследований [3]², которые подробно изучают, что, как и по какой технологии нужно сохранять, а самое главное, потому, что все современные процессы привели к новому взгляду на эту проблему. В настоящий момент на Западе проблема сохранения культурного наследия перестала оставаться прерогативой узких специалистов, оценивающих историческую или эстетическую ценность памятника как музейного объекта с точки зрения специальных искусствоведческих критериев.

Эта проблема выходит за рамки узкопрофессиональной, поскольку культурное наследие является достоянием человечества и требует всеобщего осо-

² См. также: Smith L. *Cultural Heritage: Critical Concepts in Media and Cultural Studies*. Routledge, 2006; Yehuda E. Kalay, Thomas Kvan, Janice Affleck. *New heritage: new media and cultural heritage*. Routledge, 2008; Hoffman B.T. *Art and cultural heritage: law, policy, and practice*. London: Cambridge University Press, 2006; Navrud S., Ready R.C. *Valuing cultural heritage: applying environmental valuation techniques to historic buildings, monuments, and artifacts*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2002; Van Grieken R., Janssens K. *Cultural heritage conservation and environmental impact assessment by non-destructive testing and micro-analysis*. CRC Press, 2004; Bell C., Robert K. Paterson, *Protection of First Nations Cultural Heritage: Laws, Policy, and Reform*. UBC Press, Vancouver, 2009; Kasten E. *Cultural heritage: property of individuals, collectives or humankind?* Halle: Max-Planck-Institut, 2002; Cameron F., Kenderdine S. *Theorizing digital cultural heritage: a critical discourse*. Boston: The MIT Press, 2007 и т. д.

знания этого факта через подключение к данному процессу широкой общественности, так называемого гражданского общества, поскольку каждый объект наследия имеет как символическую, так и экономическую ценность. Он перестает быть просто фактором сохранения культурного кода или памяти того или иного этноса или муниципального объединения. Включенный в глобальную систему культурного туризма он начинает функционировать как экономический фактор: давать рабочие места и приносить доход. Он становится не только самоокупаемым, но и прибыльным. Объекты культурного наследия приобретают статус социального и культурного капитала. Кроме трансляции знаний и сохранения культурной памяти они работают и на стабилизацию экономической ситуации в регионе и экономическую перспективу.

Но и здесь не все так просто. Пересечение сфер сохранения культурного наследия и культурного туризма, с одной стороны, приносят большие дивиденды обеим сторонам. Доходы от культурного туризма помогают сохранять объекты культурного наследия и способствуют их пропаганде. А культурный туризм становится массовым и прибыльным только при грамотной работе с культурными объектами. Однако очень часто туристические потребности отрицательно сказываются на сохранении самого наследия. Поток туристов превращает традиции и церемонии малых народов в шоу, тем самым теряется их истинное значение и даже изменяется структура, поскольку ряд элементов этих церемоний совсем не зрелищны, да и очень часто закрыты для непосвященных, но чрезвычайно важны для сохранения культурной картины мира этноса. Культурный же туризм требует экзотичности, яркости, простоты восприятия. Остатки архаических элементов смешиваются с современными технологиями, появляются культурные симулякры.

Проблема культурных симулякров не проста. Этическая оценка культурного симулякра не всегда возможна. Встает вопрос, что можно считать таким симулякром? Является ли им музейный макет или реконструкция какого либо культурного объекта? Является ли им заново отреставрированный, но внешне превратившийся в новодел архитектурный памятник? При переходе какой грани реставрация объекта переходит в создание симулякра? И что лучше — разрушенный первоначальный памятник или получившийся в результате реставрации новодел-симулякр?

Один из таких великолепно сделанных симулякров авторы видели в Китае на острове Хайнань. Это этническая деревня народа мяо, которая на самом деле представляет собой зрелищный аттракцион для туристов, причем не столько внешних, иностранных, сколько внутренних. Сами представители племени работают как цирковые артисты и шоумены. Но, к сожалению, воссозданной реальной этнической деревни мяо, пусть даже как музея, мы не увидели. В данном случае симулякр работает на социальную и экономическую компоненту культуры мяо, он дает рабочие места и чувство собственной значимости участ-

никам шоу, однако не способствует сохранению самой культуры. Казалось бы, этот вопрос можно решить достаточно просто. Почему бы в одном пространстве не существовать двум вариантам традиций — как шоу для туристов и как истинной церемонии. В некоторых случаях, как, например, с поселениями амишей в США, это стало возможным, поскольку поселения пускают туристов в определенные дни и даже в это время продолжают жить своей жизнью, не обращая внимания на любопытствующих. Однако и в их среде уже встает вопрос о закрытии своих поселков для туристов. В других же случаях шоу вытесняет настоящую традицию. Недаром церемония карнавала Геледе в Бенине, Нигерии, Того включена в реестр нематериального культурного наследия ЮНЕСКО именно потому, что жители опасаются ее выхолащивания перед лицом туристической угрозы. Поэтому к каждому объекту культурного наследия надо относиться чрезвычайно аккуратно и подходить с индивидуальных позиций, оценивая его как в комплексной системе ценностей, так и в совокупности всех перечисленных контекстов. Более того, необходимо учитывать и тот факт, что наряду с объектами мирового и федерального уровня существуют объекты регионального, муниципального, локального значения. Для данной местности они играют не многим меньшую роль, чем Парфенон для мировой культуры. Таким объектом может быть, например, известное только в данном регионе сакральное место, с которым связаны легенды и сказания. Фиксация этого места как объекта культурного наследия может сыграть для муниципального объединения принципиальную роль. Возьмем, например, малоизвестный десять лет назад провинциальный умирающий город Мышкин, который в результате консервации своих памятников и организации туристических потоков сумел выжить в сложное для России время и сохранить свое региональное культурное наследие.

Осознание изменившейся ситуации необходимо как на федеральном, так и на региональном уровне, в том числе и на уровне гражданского общества. Недостаточно создания или приведения в порядок законодательной базы, хотя это важный и нужный шаг, без которого ситуация не сможет развернуться в принципе. Необходимо параллельно и изменение сознания самих представителей гражданского общества. Однако ситуация внезапного озарения или просветления здесь явно не сработает, нужна обширная, планомерная образовательно-просветительская работа и создание системы «зеленой улицы» для тех, кто собирается активно включиться в этот процесс. Так, объявленная в США программа по восстановлению «главных улиц маленьких городов в Вирджинии вызвала вложение частных инвестиций больше чем на 55 миллионов» [4, р. 22] прежде всего потому, что была введена огромная налоговая скидка. Это создало почти 13000 рабочих мест в регионе. Западные правительства связывают с реконструкцией культурного наследия политику поощрения частных фирм и домашних хозяйств к модернизации их собственных помещений или жилья в духе этого наследия. Это способствует превращению ста-

рых домов в маленькие музеи, кафе с историческим, а не псевдоисторическим антуражем, в маленькие фермы, где законсервированы старинные технологий производства продуктов или вещей.

Поэтому не только для сохранения самих памятников, но и для расширения возможностей малых предприятий по ретрансляции культурного наследия создаются исследовательские лаборатории, которые занимаются сопутствующими этой деятельности исследованиями: воссозданием строительных материалов, например, брусчатки, плитки, черепицы, изразцов для реконструкции, воссозданием старинных технологий —ковки металла, ковроткачества, плетения из ивовых прутьев и т. д.

Для пропаганды этих знаний и навыков в Испании созданы «школьные семинары». В процессе реставрационно-восстановительных работ новые работники в течение минимум трех лет приобретают нужные знания и навыки, работая не только с самим памятником, но и с окружающей средой, зданиями, рукотворным и природным ландшафтом. «Молодые мастера получают и теоретическое, и практическое обучение в процессе участия в работах, и в конце нормального трехлетнего периода «школьного семинара» они могут идти дальше, чтобы работать с другими фирмами или в других секторах экономики, начиная с общественных работ, где они могут использовать свои приобретенные навыки. Система «школьного семинара» достигает трех целей: восстановление наследия; создание, модернизация и передача навыков и ноу-хау и более высокое качество продукции во всех секторах экономики через распространение такого знания» [4, р. 61]. Такие же семинары были введены, например, на Канарских островах, где туризм нанес тяжелые потери в культурном наследии. Рекламные щиты, здания отелей, не вписывающихся в традиционную архитектуру, начали вредить этническому ландшафту и привели к активизации политики по сохранению культурного наследия.

В модернизацию программы сохранения культурного наследия вписываются и музеи. Создаются новые формы музеев: экомузеи, экономузеи и интерпретирующие центры.

В системе экомузеев на первый план выдвигается этнографическое или индустриальное наследие региона. Экомузеи представляют свои коллекции в символических формах. Их росту способствуют три фактора: децентрализация, которая привлекла внимание к этнографическому наследию регионов и небольших поселений; появление организованного рынка народного искусства с системой менеджеров, критериями оценки и просчитанным спросом и предложением; повышенный интерес к археологическим находкам доцивилизационного периода человеческой истории и возможностями реконструкции. Однако экомузеи, по мнению зарубежных авторов, интересны в основном местным жителям и привлекают мало туристов из-за рубежа и других регионов [4, с. 64]. Кроме того, они часто сталкиваются с серьезными организацион-

ными и финансовыми трудностями, а также проблемами в области интерпретации культурных находок.

Термин «экомузеи» известен и в Канаде, и в США, но в этих странах преимущественно развиваются центры интерпретации. Это своего рода организационные центры, основной задачей которых является пропаганда культурных знаний и навыков. Они могут осуществлять свою деятельность в различных видах, необходимых покупателю, в том числе и в виртуальных. В отличие от экомузеев они выходят за рамки территории или какого-нибудь отдельного производства. Они работают на будущее региона или страны в целом, выполняя просветительские функции, прежде всего в молодежной среде.

В отличие от экомузеев, термин «экономузеи» еще недостаточно известен, хотя сами такие музейные образования успешно существуют и осуществляют функцию сохранения культурного наследия. Это небольшие фирмы и мастерские с культурной коннотацией и оборудованием, которые, выпуская традиционную для данной местности продукцию, демонстрируют систему производства, где посетители могли бы посмотреть, а в ряде случаев и поучаствовать в процессе. Это, по сути симбиоз мастерской и интерпретирующего центра. Реконструированное старинное ветхое здание становится основой для воссоздания ремесленного процесса и не сносится, а продолжает жить в новом качестве.

России, имевшей всегда несколько абстрагированную аксиологию, очень трудно избавиться от советского понимания наследия. Памятники принадлежали народу и, находясь на балансе государства, были бесплатным духовным достоянием народа, убыточным экономически, поскольку духовность и убыточность практически понимались как синонимы. Включение духовных ценностей в экономический контекст и выражение их в материальном эквиваленте было вне пределов русского менталитета. Отсюда финансирование большинства памятников по остаточному принципу и в большинстве своем их плачевное состояние. Наш исконно русский интеллигентский антипрагматизм мешал осознать, что в современном мире именно экономическая составляющая культурного наследия в большинстве случаев помогает проявить и сохранить его культурную ценность.

Если на федеральном уровне тяжелая государственная машина и пока еще слабо выраженное гражданское общество все же медленно, но поворачиваются лицом к культурному наследию, представляющему собой общемировой уровень, то проблемы регионального культурного наследия не всегда должным образом оцениваются, хотя очень часто именно для регионов культурное наследие должно стать социальным и культурным капиталом в прямом и переносном смысле.

Особо сложной является проблема осмысления места культурного наследия в поликультурном регионе. В отличие от мультикультурализма, который

не имеет длительного временного вектора, поликультурные регионы обладают как традицией совместного проживания на протяжении нескольких веков, так и историческим материальным и нематериальным культурным наследием. При наличии тенденций изменения ситуации поликультурности на мультикультурность подчас бывает трудно сохранить статус-кво исторического культурного наследия. Однако это именно те неисчерпаемые ресурсы, которые могут обеспечить региону и его муниципалитетам дальнейшее экономическое развитие.

Астраханский регион поликультурен. В определенном смысле это классика поликультурности. На протяжении нескольких веков он складывался как культурная мозаика, синтез Востока и Запада. Здесь проблема сохранения культурного наследия имеет свою специфику. Она многомерна. Первый пласт проблем — это наличие богатейшей археологической истории (Хазарский каганат, Великий шелковый путь, Сарай-Бату, Хаджи-Тархан), которая была настолько грандиозна и интересна, что мы как потомки, живущие на этой территории, не имеем права не считать ее элементом культурного наследия. В то же время эти культуры не оставили хорошо сохранившихся готовых культурных памятников, как, например, в Мексике, Перу или Египте. Раскопки, консервация и музеефикация этих объектов требуют огромных капиталовложений. В том виде и при тех технологиях, которые существуют сейчас, они не могут стать объектом массового культурного туризма. Вопрос финансирования решается сложно и появляется соблазн создания культурного симулякра, как это сейчас происходит с Сарай-Бату. На наш взгляд, нужно привлечение гражданского общества к широкому обсуждению этой проблемы и поиску путей ее решения.

Второй пласт — культурное наследие, связанное с Астраханским кремлем и реконструкцией Белого города. При грамотной реконструкции и создании культурного ландшафта это может стать еще одной жемчужиной в ожерелье культурного наследия региона, а может быть, и всей России. Третий пласт проблем — изначальная полиэтничность нашего края, которая позволяет увидеть в едином ансамбле культурное наследие различных этносов, что создает, с одной стороны, уникальные возможности, прежде всего для районов и муниципальных образований региона, с другой стороны, возникают и определенные проблемы в расстановке приоритетов.

При глобальности нерешенных проблем некоторые изменения в процессе сохранения культурного наследия региона все же имеются. Появляются экомузеи — музей арбуза в г. Камызяке, музей казачьего быта в с. Енотаевка, музей Курмангазы в с. Алтынжар. Продолжается реконструкция Астраханского кремля с фрагментами живого музея в процессе процедуры включения его в реестр памятников всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. В зачаточном состоянии находится идея интерпретирующего центра, воплощенного пока только в гравюрной мастерской в Астраханской государственной картин-

ной галерее им. П. Догадина, где посетители могут увидеть процесс создания гравюры и поучаствовать в нем. Однако практически отсутствуют экономузеи, которые на данный момент чрезвычайно привлекательны для туристов.

Библиографический список

1. *Карасик В. И.* О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001.
2. Рекомендации об охране в национальном плане культурного и природного наследия. ЮНЕСКО, 16 ноября 1972 г. URL: // <http://www.art-con.ru/node/1718>
3. Cultural Heritage and Development: A Framework for Action in the Middle East and North Africa Published by World Bank, Washington, DC, USA.
4. *Grefe X., Pflieger S., Noya A.* Culture and Local Development. Los Angeles: Getty Conservation Institute, 2002.
5. *Hoffman B. T.* Art and cultural heritage: law, policy, and practice. New York: Cambridge University Press, 2006.
6. *Manleo F.* Cultural property and cultural heritage: a battle of concepts in international Law // International Review of the Red Cross. 2004. June.
7. *Merryman J. H.* Two Ways of thinking about Cultural Properties // American Journal of International Law. 1986. Vol. 80, No. 4, October.
8. *Randall M.* Values and Heritage Conservation. Los Angeles: Getty Conservation Institute, 2000.